

теперь — «для нас, вероятно, новая регистрация, новый контроль и, конечно, ухудшение материальное, но это все ничто перед трагикою происшедшего» [ARS. Fond SI AS 1901. Škatla.1].

Вилков, как исследователь, не мог не попытаться найти причины этих событий. «Надо всем, однако, висит международная политика, — писал он. — Без столкновения, по-видимому, не обойдется. Слишком большой потенциал национальных сил и пожеланий. Человечество, вернее, Европа вышла снова из органического состояния, всюду брожение, умерло все ясное и устойчивое» [ARS. Fond SI AS 1901. Škatla.1].

Во всех письмах Вилков пишет и о своих творческих задумках, подчеркивая, правда, в письме 1928 г. что «большинство из нас работать научно может мало, мы можем быть еще преподавателями наук, читать лекции», но и все [ARS. Fond SI AS 1901. Škatla.1].

Подводя итог, следует отметить, что, несмотря на малочисленность писем, они представляют важный источник как истории высшего образования русского зарубежья, так и эмиграции первой волны, в целом. Важны они и как свидетельства очевидца событий в Европе 1920-х — 1930-х годов.

Arhiv Republike Slovenije (ARS). Fond SI AS 1901. Spektorski E.

Государственный архив Российской Федерации. Ф.5765. Русский юридический факультет в Праге.

Измозик В. С. Письма российских эмигрантов середины двадцатых годов как исторический источник // Из истории российской эмиграции: Сборник научных статей. СПб.: Третья Россия, 1992. С.48—62.

Ковалев М. В. Русские историки-эмигранты в Праге (1920—1940 гг.). Саратов, 2012.

Михальченко С. И. Академическая деятельность русской профессуры в Праге в 1920-е годы (по эпистолярным источникам) // Вестник Брянского госуниверситета. 2016. № 4. С. 71—81

Михальченко С. И. Высшее образование русского зарубежья: новые документы // Проблемы славяноведения. Брянск, 2015. Вып.17. С.152—157

Михальченко С. И., Ткаченко Е. В. Евгений Васильевич Спекторский // Вопросы истории. 2013. № 1. С.13—31.

Стародубцев Г. С. Международно-правовая наука российской эмиграции (1918—1939). М., 2000.

УДК 82-94:55(095)

С. О. Никиташина

ЛИЧНЫЙ ДНЕВНИК УЧЕНОГО Д. И. МУШКЕТОВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Д. И. Мушкетов — выдающийся ученый-геолог, выпускник Горного института (1907), его ректор (1918—1926), заведующий кафедрой, директор Горного музея. Личный дневник Д. И. Мушкетова за январь 1912 — март 1924 г. является важным историческим источником для поиска сведений о его жизни и деятельности. Он отражает наблюдения и переживания автора, его круг общения, анализ ряда событий.

Ключевые слова: Горный институт, Д. И. Мушкетов, ученый-геолог, личный дневник, исторический источник.

Дмитрий Иванович Мушкетов родился 19 марта (по ст. ст.) 1882 г. После окончания Горного института (1907 г.) он преподавал в нем, стал выдающимся геологом, специалистом в области региональной геологии и тектоники, профессором, доктор геол.-мин. наук, ректором (1918—1927), директором Горного музея и организованного по его инициативе Института прикладной геофизики. Кроме того он был секретарем Русского географического общества (1915—1917), директором Геологического комитета (1926—1929), заведовал отделом тектоники и геоморфологии Геологического института и сейсмологическим отделом Сейсмологического института АН СССР, участвовал в организации Российского гидрологического института и Центрального географического музея, работал в Сибири, на Донбассе, Кавказе, Дальнем Востоке, Средней Азии — области его основных научных исследований, являлся членом многих российских и зарубежных научных обществ, участвовал в XIII—XV Международных геологических конгрессах. 29 июня 1937 г. Д. И. Мушкетов был арестован, а 18 февраля 1938 г. расстрелян. Реабилитирован 8 декабря 1956 г. [Никиташина, 2016, с. 188—198; Никиташина, 2017, с. 195—213; Никиташина, 2018, с. 174—186].

Личный дневник ученого хранится в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ) в фонде «Иван Васильевич и Дмитрий Иванович Мушкетовы» [РНБ, ф. 503, д. 311]. Период отраженных в дневнике событий — январь 1912 — 2 марта 1924 гг. Первая запись в дневнике содержит краткие комментарии Д. И. Мушкетова о съезде по практической геологии и об институтском образовании, а также упоминание об отдыхе с его с родными и знакомыми в Райволо после встречи Нового года. Последняя запись — вложенный листок, на котором указаны суммы, полученные его мамой (Е. П. Мушкетовой) в Алушке в 1918—1920 гг. от продажи его личных вещей.

Характер ведения дневника хаотичный, объем записей по дням неравномерный. В некоторых случаях информация фиксировалась несколько дней подряд, но при этом была краткой. Не всегда указаны даты, иногда написан только месяц и год. Часто записи содержат информацию за несколько предыдущих дней. Их количество по годам разное: в 1912 г. — 3, 1913 г. — 11, 1914 г. — 19, 1915 г. — 6, 1916 г. — 4, 1917 г. — 22, 1918 г. — нет, 1919 г. — 3, 1920 г. — 6, 1921 г. — 5, 1922 г. — 6, 1923 — нет, 1924 г. — 1, но это сведения за предыдущий 1923 год. Дневник занимает 61 страницу, из них 4 листа вне переплета и три из них содержат информацию, не относящуюся к тексту. Некоторые страницы вырваны, вероятно, самим автором, что можно предположить по записи за январь 1917 г. [Там же, л. 21].

Основная цель ведения дневника Д. И. Мушкетовым, как можно понять из его текста, состояла в сохранении в памяти пережитых им событий. «Действительно уже не веришь тому, чему сам был свидетелем», — писал он в

январе 1913 г. — «я решил снова попытаться записывать, хоть изредка, наиболее существенное». В 1921 г. в дневнике появилась запись, из которой ясно, что он не мог свободно фиксировать свои наблюдения: «К сожалению, боязнь, что эти строки в любой момент могут сделаться достоянием какой-либо охранки красной или белой все равно, мешают заносить много ценных исторических данных». После 23 апреля 1922 г. занятость рабочими вопросами Д. И. Мушкетова была настолько огромна, что вести дневник у него не хватало времени. 2 марта 1924 г. он отметил: «Почти два года не записывал. Не потому, что нечего, а главное потому, что некогда» [Там же, л. 3, 51 об., 58].

Записи Д. И. Мушкетова показывают, какие события были значимыми для него в разные периоды, какие проблемы волновали или пугали, как он переживал трудности. Почти ежегодно в начале января он подводил итоги своей деятельности, отражая в них самые существенные свои достижения, которые касались его профессионального роста, научной деятельности, статей, экспедиций и др. Мы видим его размышления о взрослении, встречаем строки сомнений и колебаний относительно собственного развития. Тут же присутствуют мудрые рассуждения на тему жизни: [1 декабря 1914 г.] «Обычная ошибка, все кажется, что данный момент — это что-то еще “пока”, а жизнь еще далеко впереди, а потом-то и оказывается, что ее и не было... Нельзя жить будущим, и, возможно, надо ценить именно настоящее». В записи от 13 ноября 1914 г. — радость и гордость от выборов его секретарем Императорского русского географического общества и мысль о том, что «всяческая география» интересовала ученого больше, чем «чистая геология».

Мы чувствуем его волнения перед началом чтения первых лекций, испытываемые несмотря на постоянный профессиональный рост. 24 февраля 1915 г. Мушкетов записывает: «Я сам этих лекций сильно боюсь, хотя после первой уже меньше». 7 апреля 1916 г. он сделал важную запись, вероятно, определившую его дальнейшую судьбу: «Самое важное — это то, что я знаю теперь твердо, что меня интересует и чем мне заниматься — долгий период колебаний и метаний, кажется, кончился, а след[овательно], можно надеяться на большую плодотворность» [Там же, л. 12—14, 21]. Постепенно переживаний относительно себя становится меньше, и к концу записей в дневнике в 1924 г. их практически нет.

На страницах дневника Д. И. Мушкетова встречается множество фамилий, тех людей, с кем ученый проводил свободное время или был связан профессиональной деятельностью в Геологическом комитете, Минералогическом и Географическом обществах, Горном институте, Академии наук и др. организациях. В дневнике встречаются их краткие характеристики, не всегда добрые. Например, после обсуждения в Геологическом комитете вопроса о частных платных работах 16 марта 1913 г. он написал: «Трудно го-

ворить с людьми в наглазниках, да вдобавок сидящих на пьедестале свято-сти!». Из записей Д. И. Мушкетова видно активное участие в его профессиональной деятельности геолога К.И. Богдановича. Например, 2 февраля 1914 г. он писал: «Предложил (Богданович — С. Н.) мне замещать его в Горном», 17 мая 1915 г. после защиты диссертации: «Богданович сильно расхваливал, но за то, за что стоит хвалить». Среди фамилий встречаются имена немецких ученых: Merzbacher, Leucks, Klebetsberg (инициалы не указаны — С. Н.), с которыми он контактировал в Мюнхене, когда находился в больнице с воспалением легких летом 1914 г. [Там же, л. 7, 9об., 10об., 16].

В дневнике Мушкетова нашли отражение различные исторические события и встречи с государственными деятелями, с которыми он пересекался в определенные периоды своей жизни. Записи идут параллельно с другими событиями. Строки о Первой мировой войне отражают меняющееся отношение его и общества к войне. В начале войны (сентябрь 1914 г.) — это восторженные записи: «По пути уже чувствуется война — запасные, добровольцы, “Ура” и т.д., настроение отличное; встретили поезд с пленными». Через несколько месяцев (30 ноября 1914 г.) настроение уже противоположное: «А теперь сильно гнетет война, интерес и воодушевление злободневности и новизны исчез, а ужасы все копятся и давят. Просвета нет». Спустя несколько лет (7 апреля 1916 г.) Мушкетов пишет о людском равнодушии к войне: «Кончается второй год войны и скоро, кажется, ничто не сможет бы-лое производить сильное впечатление. Кончается второй месяц осады Вердена, где погибло более 300 000 людей и к этому привыкли, как к текущим обычным делам, и, просматривая газету, каждая строчка которой кровото-чит, говоришь — сегодня ничего нет особенного» [Там же, л. 11об., 12об., 19об.].

26 февраля 1917 г. ученый поделился своими предчувствиями: «Начинается кошмар 1905 года, но хуже, надвигается ужасное». Неясность и неопределенность происходивших событий, прекращение выхода газет будоражили общество. 27 февраля 1917 г. он написал: «События разворачиваются невероятно, неожиданно. Полдня провел с телефонной трубкой у уха, разговаривая со всеми углами города, и голова пухнет от сообщений... Трудно все переварить — весь день трясет, как в ознобе. Одно спасение телефон, газет третий день нет. Чувствую, что бессилён записать всю сумму впечатлений» [Там же, л. 26, 28].

Ученый писал о перестрелках, передвижениях солдат, роспуске Думы, обысках, выборе «Временного комитета» и о том, что хотел сохранить в памяти. В основном это пересказ увиденного или услышанного от других людей, отражающего взгляд окружавшего его общества на происходившее вокруг. После февральских событий 1917 г. Д.И. Мушкетов вел активную деятельность: участвовал в заседаниях Географического общества, Геологического комитета, в организационном Собрании союза инженеров, организовал домовую комитет в доме, где жил [Там же, л. 38 об.—40].

Интересен его взгляд как представителя научной элиты на Временное правительство. «Я сидел час в комнате, где были новорожденные министры, — писал Д. И. Мушкетов в своем дневнике, —...Я видел это мучительное рождение нового правительства и, содрогаясь от громадности всего, от какого-то стихийного невольного ужаса перед лицом перелома судьбы 150 миллионов людей, я не мог не проникаться глубоким уважением, благодарностью и жалостью к этим нескольким измотавшимся людям, каким-то непостижимым чудом, на волоске протягивавшим это тягчайшее дело. Миллюкова после речи несли, как труп, как тряпку. Некрасов без голоса и другие тоже. Родзянко как каменный» [Там же, л. 35—36].

Запись Д. И. Мушкетова от 26 ноября 1917 г. передает ощущение полной неопределенности: «Мы как котята в завязанном мешке, которых не то топить несут, не то еще куда, а они барахтаются, давятся, грызутся, задышаются и главное ничего не понимают» [Там же, л. 42].

Любопытным моментом в дневнике Д. И. Мушкетова являются записи слухов, которые бродили в окружавшем его обществе в разные периоды, и некоторые его комментарии к ним. Например, 6 февраля 1913 г. он сделал запись: «Сегодня упорные слухи, что после юбилея Романовых будет объявлена война и что армия в скверном виде. А тут еще призраки голода. Страшно!». В записях 1916 г. в дневнике присутствуют слухи о Распутине: «Ужасно, что говорят о влиянии последнего [Распутина — С. Н.], если это не басни». 10 января 1917 г. ученый писал: «Слухи ужасные — о мире, о покушении на А. А. Вся царская семья разогнана врозь... вместо Распутина добыли какого-то Колябу... все то слухи, но таких тысячи, и они характерны и наполняют все умы» [Там же, л. 3, 18, 22].

Особое место в дневнике Мушкетова занимают записи о семье: жене, которую он ласково называл Уля, родителях (Иване Васильевиче и Екатерине Павловне Мушкетовых), дочерях (Марине и Галине). Из дневниковых записей можно получить представление о традициях в их семье и культурных интересах [Там же, л. 8, 9, 21, 43об., 54 об.].

В личном дневнике ученого сохранились воспоминания о совместной встрече ректоров Петроградских институтов в 1921 г.: горного (Д. И. Мушкетова), политехнического (Л. В. Залуцкого) и гражданских инженеров (Б. К. Правдзика) с В. И. Лениным [Там же, л. 53об.]. После приема председатель СНК предложил забрать Д. И. Мушкетова в Москву в члены коллегии Наркомфина, но этого не произошло.

В дневнике Д. И. Мушкетова объясняет решения стать ректором Петроградского горного института в 1918 г. «Лучше возьму в свои руки, чем отдам в заведомо ненадежные, — писал он в 1921 г. — третий год руковожусь этим принципом и все не уверен в его правильности, хотя много плодов он и принес». 14 февраля 1922 г. отмечает: «Сегодня четырехлетие моего директорства в Институте. Не думал тогда, что это так затянется. До сих пор помню то подавленное состояние, в каком шел после выборов домой —

страшно было, да и было от чего, если вспомнить все и все напасти... И окажется ли плодотворной вся эта бесконечная борьба за Институт, или все погибнет?» [Там же, л. 50, 56].

В течение нескольких лет выполнял и другие функции, не всегда оплачиваемые. Перечисляя свои должности и обязанности 1 января 1922 г., ученый назвал себя «ультрасовместителем». Вот только некоторые из 16 записанных им должностей: ректор и профессор 3-х курсов Горного института; директор Горного музея; член научно-технического совета Главного управления горной промышленностью; геолог Геологического комитета; профессор Института путей сообщения; руководитель Туркестанского отдела КЕПС Академии; тов. Председателя Совещания ВТУЗов Петрограда; член Обществ: Географического, Минералогического, Естествоиспытателей. Очевидно, что подобная нагрузка становилась для него тяжелой, и он стремился освободиться от некоторых обязанностей [Там же, л. 55—55 об.].

После посещения празднования 100-летия Санкт-Петербургского университета, где он выступил с адресом от Горного института, 23 февраля 1918 г. ученый сделал оптимистическую запись: «Отлично сказал Луначарский. А пока говорились широкие речи, сидел под эстрадой с вершителями судеб сейчас научного мира Кристи и беседовал о туманных реформах этого мира. ... если нам пережить эпидемии и наладить пищу и топливо, то может быть мы еще “посмеемся последними”». В январе 1920 г. ученый писал о том, что чувствовало и на что надеялось общество в новых политических условиях: «Особенно плохи те, кто все надежды возлагал на “белых” — с провалом их они сразу остыли и гибнут. Счастливы те, у кого еще теплится жизнь и смысл ее, и надежда в себе самом и своем деле. Я причисляю себя к этим». Здесь же присутствует смелая критика нового правительства: «Это тоже типично для Сов[етской] власти! У которой всегда правая рука рушит то, что творит левая... Вся “контрреволюция” и “саботаж” — которых так ищут везде вплоть до богаделен, жидется где-то в недрах самой власти — где нам не видно; но ясно в этом главная опасность ее» [Там же, л. 44—46].

Следует отметить чувство юмора Д. И. Мушкетова. 8 февраля 1920 г. он сделал горькую и одновременно шутовскую запись: «Сегодня великое событие, вся ученая братия с мешками и салазками шествовала в дворец В[еликого] к[нязя] Владимира¹ за “ученым пайком”, коего Максим Горькийхлопотал на 1800 душ. Разговор об этом уже две недели. Вещь все же полезная — я подсчитал около 40 000 р. в месяц: 45 ф. хлеба, 30 ф. картофеля, 15 ф. мяса, 3 ф. сахара, 5 ф. растительное масло, 15 ф. крупы, 1 ф. шоколада и еще мелочи... Зрелище выдачи умирительное — налицо весь “мозг страны”, правда, весьма подсохший» [Там же, л. 48].

¹ Имеется ввиду Дом ученых, открытый 31 января 1920 г.

Таким образом, дневник Д. И. Мушкетова являются ценным источником для раскрытия различных сторон жизни и деятельности выдающегося ученого-геолога в 1912—1924 гг. Одновременно это ценный исторический источник для получения сведений о жизни и быте ученых первой четверти XX в.

Никиташина С. О. Д. И. Мушкетов как преподаватель Ленинградского горного института // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2016. Вып. 16. С. 188—198.

Никиташина С. О. Дмитрий Иванович Мушкетов — студент Горного института (1899—1907) // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2017. Вып. 17. С. 195—213.

Никиташина С. О. Дмитрий Иванович Мушкетов: семья и годы учебы в гимназии // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2018. Вып. 18. С. 174—186.

РНБ. Ф. 503. И. В. и Д. И. Мушкетовы.

УДК 94(470.5).073

Т. Г. Павлуцких

ДОКУМЕНТЫ ДАЛМАТОВСКОГО МОНАСТЫРЯ О КРЕСТЬЯНСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ 1841—1843 гг.

Использование при исследовании проблемы картофельных бунтов в Зауралье 1841—1843 гг. документов Далматовского Успенского мужского монастыря из Государственного архива города Шадринск Курганской области. Рассмотрены официальные документы о награждении отличившихся при подавлении бунта чиновников, рапорта и донесения монастырских служителей, участников подавления восстания, официальная переписка должностных лиц органов местного самоуправления и духовного руководства. Дана краткая оценка и описание событий, развернувшихся вблизи города Далматово в 1842 г.

Ключевые слова: крестьянский волнения, картофельные бунты, фонды Далматовского монастыря, история Зауралья.

Вопрос о крестьянских бунтах 1841—1843 гг. в Зауралье в современной отечественной литературе остается слабоосвещенным. Материалы об этих выступлениях содержатся в Курганском, Челябинском, Пермском, Тюменском, Тобольском госархивах. Они отложились и в фонде Далматовского монастыря в Государственном архиве в городе Шадринске (ГАГШ).

С установлением советской власти, в 1920-х гг. Далматовский Успенский монастырь превратили в музей, службы прекратили, а в 1930 г. и вовсе закрыли. Под угрозой оказалось существование монастырского архива. Его основную часть усилиями известного историка-краеведа В. П. Бирюкова удалось перевезти в город Шадринск.

На сегодняшний день фонд № 224 Далматовского Успенского мужского монастыря Екатеринбургской епархии состоит из 3 248 единиц хранения. Временные рамки документов охватывают 1659—1920 гг. Большая часть из